

пехам. В дни Российской печати она трижды получала Дипломы Лауреата конкурса имени Валентина Овечкина. Была ей вручена и памятная медаль Георгия Свиридова «за многолетнюю пропаганду музыки великого композитора». Никогда она не забывала тех, кто работал вместе с ней, «без кого, - как она говорит, — не было бы ни удач, ни наград, так как телевидение — это коллективное творчество». В том, что работа на ТВ — это творчество, Наталия Георгиевна убеждена. Ему она отдала более четырех десятилетий, и, по ее словам, «могла бы все повторить сначала».

И в работе, и в личной жизни духовные ценности ее родителей оказались и для нее не менее важными, а образ своего отца она считает главным нравственным ориентиром в выборе собственных поступков. Н. Г. Павловская рассказывает об отце и о себе: «Когда чиновники или просто любопытствующие спрашивают у меня год моего рождения, всегда внутри меня что-то вздрагивает. Мой год — 1941, декабрь...

Держу в руках записную книжку моего отца. Фронтovou. Она неплохо сохранилась, хотя и написана карандашом. Листаю... 13-ое, 15-ое, 16-ое, 18-ое, 20-ое, а вот и 31 декабря 1941 года *«Через два часа Новый год! Завтра уже будет 1942 г. Что он принесет народу и стране? Я думаю, Победу над немцами. Этого я желаю от души, да и все другие, конечно. Мы в победе уверены!»*

Что даст этот 1942 г. лично мне? Об этом не хочется и думать. Здесь на фронте ведь каждую минуту можно погибнуть. А там, за несколько сот километров, милая семья: любимый сын маленький Володенька, дочурка Лиля. Родная Шурча, милая, ты, наверное, с маленьким вновь родившимся ребенком, кто он, мальчик или девочка? Которого я, может быть, и не увижу никогда!

Тяжело даже от сознания того, что если погибнешь, свои же дети и представлять себе не будут какой у них был папулька. И ты, моя бедная мама, наверное, уже совсем стала седая, не зная, где твой сын... Недалеко идет перестрелка. Фронт...»

Но, с моим папой, Георгием Степановичем Журавлевым, мы все — таки встретились. Встретились, когда мне уже шел пятый год. Когда фашисты рвались к Волге, мои мама и бабушка с нами — тремя детьми — сумели уехать из Саратова к родным в г. Бузулук Чкаловской области (теперь Оренбургской). В этом небольшом, уютном до — рогом сердцу городке прошла пионерская и комсомольская юность

моих родителей, там я отучилась два класса средней школы и часто бегала в городской краеведческий музей посмотреть на папину фототрафию в пионерском галстуке.

В Бузулук и вернулся папа с фронта майором.

Помню: госпиталь, койки, койки, — не меньше тридцати, мужчины в белых рубашках и кальсонах с завязками на щиколотках; ...И — наш папа, высокий, черноволосый, красивый, но худой. Я бы смотрела на него и смотрела. Но меня уже тянут за руку назад, долго быть с ним нельзя.

Война осталась у него в сердце, и оно болело до конца его дней.

До войны папа был преподавателем истории, а после — его направили на партийную работу, он и на фронте был комиссаром полка. На какое-то время он вынужден был уехать на работу в Чебаркуль Челябинской области. Папа взял с собой маму и сестру с братом. В отличие от Сережи, который все — таки поехал в Холмогоры, меня в Чебаркуль не взяли, как самую маленькую, оставили с бабушкой в Бузулуке. До сих пор помню свою тоску и вопли, когда я бежала вслед за уезжающей зеленой машиной. Со словом Чебаркуль связаны очень горькие минуты моей жизни.

Но вдвоем с бабушкой мы были недолго, скоро все вернулись и мы снова были вместе. Вечерами в городском парке имени Пушкина в большой раковине — сцене играл оркестр. Духовой. Это примета послевоенного времени. Я, в красном платице, держась за руки мамы и папы, шла по улицам города. Впереди шел брат (он был чуть старше меня и чуть выше). Не забыть этого ощущения счастья! Папа поднимал меня, ставил на сцену и я танцевала перед оркестром. Не слись над городом «Амурские волны», «На сопках Маньчжурии...» А в жаркие дни лета мы всей семьей ходили на речку Самарку и папа, войдя со мной в воду, бросал меня подальше от себя, я бесстрашно била ногами по воде и как могла плыла к нему. Чего же мне было бояться, папины руки ловили меня, обнимали и всем было весело!

Но папа мог быть и суровым. Когда мой семилетний брат, собрав в папин фронтовой вещмешок свои «ценные» вещи, ушел «куда глаза глядят», папа прошелся по нему ремнем не шутя. Я всегда вставала на сторону брата, а он на мою. Мы с ним радостно носились на своем самокате, сколоченном из двух досок и двух подшипников нами же. Он громыхал по булыжникам мостовой на всю вселенную. А наш старший друг, у него единственного был большой двухколесный